

**РОЛЬ И МЕСТО «ЧЕЛОВЕКА С РУЖЬЁМ» В СОВРЕМЕННОМ
ОБЩЕСТВЕ**

**THE ROLE AND PLACE OF THE «MAN WITH A GUN» IN MODERN
SOCIETY**

УДК 316.334

КОСТЕРИН Артём Андреевич
KOSTERIN Artyom Andreevich

Аннотация. Актуальность темы обусловлена особенностями современного исторического этапа с позиции отношения к институту военной службы представителями гражданского общества. Неоднородность общественных ценностей, культурных норм, убеждений и иных детерминант, обуславливающих формирование понятийного аппарата

гражданина применительно к военной службе, создают различающуюся сферу мнений. Данная особенность способствует искажению истинных, традиционных и культурных аспектов общественного сознания в отношении потенциального и фактического исполнения Конституционной обязанности гражданина Российской Федерации.

Ключевые слова: *лиминальность; ресоциализация; социальный институт; институции.*

Abstract. *The relevance of the topic is due to the peculiarities of the modern historical stage from the standpoint of the attitude towards the institution of military service by representatives of civil society. The heterogeneity of social values, cultural norms, beliefs and other determinants that determine the formation of the conceptual apparatus of a citizen in relation to military service create a different sphere of opinion. This feature contributes to the distortion of the true, traditional and cultural aspects of public consciousness in relation to the potential and actual fulfillment of the Constitutional duty of a citizen of the Russian Federation.*

Keywords: *liminality; resocialization; social institution; institutions.*

Рассматривая современное общество сквозь призму детерминант, формирующих его сознание, можно заметить, что роль и место «Человека с ружьём» остается довольно противоречивой. Сопоставление имеющихся социальных нарративов в отношении института военной службы от населения в сторону последнего эксплицирует в повествовательную составляющую совокупность многих факторов социальной среды. Формирующими данной среды можно выделить качественные индикаторы информационного пространства: инструменты, технологии, средства трансляции контента. В данном случае контент будет представляться нам в качестве главного показателя формирования общественного мнения. Таким образом, нарративная составляющая информативного воздействия контента будет

представляться нам с позиции цикла «контент-социум-контент», где каждый предыдущий элемент данной цепи последовательности является формирующим исходный посыл последующего.

Опираясь на критические или экстремальные социальные формы социального состояния в различные периоды времени, мы можем отмечать как закономерности, так и расхождения в зависимостях между социальным фоном и отношением к институту военной службы. Приводя в пример ряд исторических событий подобного содержания, рассмотрим ключевые из них в исторической хронологии.

Оказание военной помощи правительству Афганистана (25.12.1979 г. – 15.02.1989 г.). Отмечая данное событие в контексте социальной напряженности в отношении граждан и военнослужащих СССР (и иных им подобных формирований) по поводу применения контингента Советской Армии в боевых операциях на территории Афганистана (из них 416 плановых и в большинстве широкомасштабных) [5, С. 287], хотелось бы отметить не сам факт участия контингента Советских войск в данной деятельности, а его как предшествующую составляющую процесса *лиминальности* общества. Окончившаяся в 1989 году военная кампания закончилась отсутствием завершенности с точки зрения классических подходов к применению регулярной армии. Дестабилизация социального гомеостаза социального института военной службы по причине «непонятности» исходных нарративов привела в дальнейшем к высокому уровню ресоциализации воинского контингента [2].

Ввиду того, что еще до начала вывода Советских войск из республики Афганистан, в 1987 году стали происходить события, связанные с внутрисоюзными сепаратистскими движениями вокруг Нагорно-Карабахской республики (НКАО), приведшие к перерастанию в экстремистские настроения погромы с человеческими жертвами и поджогами зданий [5, С. 287] в 1990 году, данное событие также обусловило пребывание регулярного контингента Советской армии. Таким образом, окончание военных действий на территории

одного государства привело к переключению внимания на другой вооруженный конфликт и снова на территории другого государства. Тем временем, на территории СССР во время «августовского кризиса» 1990 года происходит нарастание напряжения внутривнутриполитического состояния. Эти события представляются нам с позиции высокой динамики социальных процессов внутри института военной службы. Высокая динамика структурно-функциональной деятельности Вооруженных сил в контексте применения профессиональных навыков для решения конфликтов за территорией СССР в объеме применения регулярных вооруженных формирований повлекли за собой различного вида социальные феномены. Некоторыми особенностями изменения социальной формации стали: ресоциализация, высокий уровень самоорганизации микрогрупп (группировки, банды, ОПГ и т.п.), отчуждение (в том числе последствия посттравматических синдромов).

Некоторые особенности дальнейшего развития событий в исторической цепи последовательностей в отношении СССР обуславливаются переходом событий декабря 1991 года, которое завершилось подписанием Беловежского соглашения о роспуске СССР [12]. Разделяя социальные роли населения на военнослужащих и не военнослужащих, мы можем закономерно выделить обусловленность внутреннего социального напряжения по причине функциональной нагрузки. Переход мирного населения в стадию лиминальности по причине смены государственной политической линии управления страной повлек за собой определенную (единичную) ступень данного перехода [10]. Касаясь Вооруженных сил, события, связанные с прекращением существования Советского Союза и, как следствие, со сдвигом нарративного порядка устоявшихся ценностей, норм и убеждений, повлекли за собой динамичный ряд реформирований. Иными словами, участие Вооруженных сил в вооруженных конфликтах с учетом того, что понятие «дом» как безопасная и привычная среда обитания [3] претерпело искажения с позиции данных категорий, стало причиной высокого уровня социального напряжения внутри института военной службы.

Дальнейшие события, связанные с применением «Человека с ружьём» по назначению, в том числе определяли как нынешнее, так и ретроспективное отношение к его роли и месту в обществе. В частности, события сентября-октября 1993 года, когда в штабе Б.Н. Ельцина было принято решение о начале военной операции (29 сентября). Данное событие спровоцировало угрозу раскола в Вооруженных силах, что, в свою очередь, является подтверждением того, что регулятивная динамика социального института военной службы на данном этапе находилась в состоянии когнитивной «инвазивности» принятия общих институций Армии [11, С. 98]. Субъекты управления различных воинских формирований (подразделений, частей, соединений и т.п.) рассматривали свое положение и подчиненных им воинских общностей с позиции потенциальной и субъектной возможности и способности понимания ими норм, ценностей и убеждений. Феномен данной военной организации (Вооруженных сил) в основе устройства представляется ключевыми, формирующими его детерминантами, где одна из главных – единоначалие [13, С. 37]. Утрата данного элемента «социального фундамента» привела к тому уровню ресоциализации и лиминальности, на котором были частично утрачены не только внутрисоциальные интеракции внутри военной службы, но и сформирован «барьер» в отношении гражданского населения [1].

Участие регулярных вооруженных формирований при обстреле Белого дома (октябрь 1993 года) также были расценены неоднозначно. Внутренний принцип единоначалия, выраженный в форме приказа, исполнялся в соответствии с руководящими документами военной службы. Тем не менее, гражданское население, в том числе находящееся в стадии лиминальности, могло увидеть в тот момент принципиальное несоответствие функциональному назначению «Человека с ружьём» в сравнении с тем, что происходило. Таким образом, мы видим, что некоторые принципы устройства Вооруженных сил способны подвергаться принципиально разным оценкам общественного мнения в зависимости от среды, в которой реализуется

законная (с точки зрения внутренних законодательных актов) деятельность института военной службы [8].

Высокая динамика происходящих событий определила последующую необходимость применения «Человека с ружьём» по назначению в объеме того самого «ружья». Контртеррористическая операция на Северном Кавказе (1994-1996 гг.) представлена чередой военных событий, повлекших за собой высокие потери среди личного состава Вооруженных сил. Штурм Грозного 26 ноября 1994 года и вторая попытка штурма 27 ноября 1994 года стали еще одним фактором внутрисоциального кризиса института военной службы. Утрата союзнической помощи, условленной по предварительной договоренности с представителями чеченской оппозиции при штурме Грозного, явились наивысшей в тот момент точкой внутренней социальной напряженности в Вооруженных силах. Данная военная кампания протекала на фоне глобальных, в объеме государства, изменений, связанных с формированием нового государства – Российской Федерации.

Становление нового государства, с учетом изменения большинства сфер жизнедеятельности населения, представлено нам с позиции рассмотрения «Человека с ружьём», как отчуждаемого, на начальном этапе [6, С. 161-163]. Институт военной службы не прекратил своего существования, вопреки переломным событиям по его функциональному применению внутри страны. Претерпевая изменения в понимании норм, убеждений и ценностей, формирующих данный институт, военная служба осталась тем элементом жизнедеятельности государства, который устоял, адаптировался и приспособился к изменениям внешней среды, с учетом высокой степени неопределенности [4, С. 319-321]. Тем не менее, особенности служения, рассматриваемые в контексте происхождения «Человека с ружьём», требуют неотделимого понимания, что военный служащий не рождается таковым, но является исполнителем конституционной обязанности. Иными словами, человек, привлекаемый к военной службе, представляет собой

сформированную личность с набором уже имеющихся норм, ценностей и убеждений, а также с субъективным набором к их толкованию.

Особо острые фазы, способствующие негативному отношению к представителю социального института военной службы, вопреки наиболее вероятным развитиям событиям (временному прекращению существования, недееспособности, превращению в оппозицию и т.п.) не реализовались в полной мере. Начиная с событий «Второй чеченской кампании» 1999-2000 гг. и по настоящее время, «Человек с ружьем» отстаивал свое право на существование и, более того, смог укрепить свои позиции в обществе. Урегулирование конфликта между Грузией и Абхазией в 2008 году – показатель эффективности ВС РФ в отношении решения миротворческих задач. «Крымская весна» 2014 года – одна из самых масштабных геополитических операций, решаемая при участии ВС РФ [9, С. 308-319]. Результат – очередное доказательство состоятельности роли и места «Человека с ружьём» в обществе. Более того, реализация замысла по геополитическому расширению зоны влияния РФ за счет применения ВС РФ обозначила готовность и способность института военной службы к высокой адаптации к динамично изменяющейся обстановке и необходимому уровню готовности решать поставленные перед ним задачи.

В условиях специальной военной операции (далее СВО) положение «Человека с ружьём» определилось высоким уровнем консолидации с гражданским населением. Данный факт подтверждается как высоким уровнем лояльности населения в отношении добровольного намерения принимать участие в СВО, так и высоким уровнем активной и всесторонней поддержки ВС РФ. Начиная от активности в информационном пространстве, направленной на правомерность действий российских войск, заканчивая всесторонней помощью от гражданского населения в зону СВО – по всем «фронтам» ведется работа, подтверждающая солидарность с деятельностью ВС РФ. Патриотический «задел» (национальный гимн в школах, символика СВО, творческая и культурная деятельность) гражданского населения

демонстрирует отношение к «Человеку с ружьём», как к «Воину-освободителю» [7, С. 174-179]. С учетом основных направлений борьбы (денацификация и демилитаризация) с противником, мы видим, как осуществляется укоренение единого формата осмысления происходящих событий.

Анализ данных умозаключений позволяет сделать вывод, что роль и место «Человека с ружьём» в современном обществе приобрели характер неотделимой части социальной среды. Условия напряженности в районах как боевого соприкосновения с противником, так и в некоторых приграничных населенных пунктах демонстрируют нам готовность гражданской части населения, даже в условиях лиминальности условий обстановки, оказывать посильную помощь. Таким образом, «Человек с ружьём» в современной социальной среде является неотделимым ее элементом с высоким уровнем лояльности гражданского населения к нему как к производственному компоненту социальной активности населения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Алексеенко О.М. Ценности военной службы и проблемы повышения ее престижности в Вооруженных Силах Российской Федерации: дисс. ... канд. филос. наук. М., 2015. 145 с.
2. Бекишиев А.А. Участие ограниченного контингента советских войск в Афганской войне (декабрь 1979 – февраль 1989 г.): уроки и последствия: автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Махачкала, 2000. 28 с.
3. Вильковский М.Б. Социология архитектуры. М.: Фонд «Русский авангард», 2010. 592 с.
4. Гефеле О.Ф. Социальная адаптация личности в ситуациях неопределенности // Ежегодник Российского психологического общества: материалы 3-го Всероссийского съезда психологов (25–28 июня 2003 г.): в 8 т. СПб., 2013. Т. 2. С. 319-321.

5. Дягтерев А.П., Сёмин В.П. Военная история России: внешние и внутренние конфликты: Тематический справочник с приложением схем военных действий. М.: Академический проект; Альма Матер, 2001. 392 с.
6. Исаченко Н.Н. Проблема деструктивности в современном российском обществе // Успехи современной науки. 2017. № 1. Т. 4. С. 161-163.
7. Кокина М.А. Мемориальный образ советского солдата и проблема сохранения пространства памяти в странах Восточной Европы // Великая Отечественная война в памяти поколений: сборник материалов международной научно-практической конференции, Стерлитамак, 29 апреля 2020 года. Стерлитамак: Башкирский государственный университет, Стерлитамакский филиал, 2020. С. 174-179.
8. Корякин В.М., Певень Л.В. Стратегия социального развития Вооруженных Сил России – путь к качественному изменению военно-гражданских отношений // Право в Вооруженных Силах. 2008. № 1. С. 2-11.
9. Майборода Д.М. Российско-украинские отношения после «Крымской весны» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 5. С. 308-319.
10. Нартова-Бочавер С.Ф. Человек суверенный: психологическое исследование субъекта в его бытии: монография. 2-е изд., испр. М.: Флинта, 2016. 448 с.
11. Прогнозируемые вызовы и угрозы национальной безопасности Российской Федерации и направления их нейтрализации / Под общ. ред. А.С. Коржевского. М.: РГГУ, 2021. 562 с.
12. Станкевич З.А. История крушения СССР: Политико-правовые аспекты. М.: МГУ, 2001. 318 с.
13. Управление подразделениями в мирное время: учебник / Под общ. ред. Ю.Б. Торгованова. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2015. 348 с.

REFERENCES:

1. Alekseenko O.M. The values of military service and the problems of increasing its prestige in the Armed Forces of the Russian Federation: diss. ... cand. Philosophical Sciences. M., 2015. 145 p.
2. Bekishiev A.A. The participation of a limited contingent of Soviet troops in the Afghan war (December 1979 - February 1989): lessons and consequences: avtoref. diss. ... cand. Historical Sciences: 07.00.02. Makhachkala, 2000. 28 p.
3. Vilkovsky M.B. Sociology of architecture. Moscow: Russian Avant-Garde Foundation, 2010. 592 p.
4. Gefele O.F. Social adaptation of personality in situations of uncertainty // Yearbook of the Russian Psychological Society: materials of the 3rd All-Russian Congress of Psychologists (June 25-28, 2003): in 8 vols. St. Petersburg, 2013. V. 2. Pp. 319-321.
5. Dyagterev A.P., Semin V.P. Military history of Russia: external and internal conflicts: A thematic guide with an appendix of schemes of military operations. M.: Academic project; Alma Mater, 2001. 392 p.
6. Isachenko N.N. The problem of destructiveness in modern Russian society // Successes of modern science. 2017. No. 1. V. 4. Pp. 161-163.
7. Kokina M.A. The memorial image of the Soviet soldier and the problem of preserving memory space in the countries of Eastern Europe // The Great Patriotic War in the memory of generations: collection of materials of the international scientific and practical conference, Sterlitamak, April 29, 2020. Sterlitamak: Bashkir State University, Sterlitamak Branch, 2020. Pp. 174-179.
8. Koryakin V.M., Peven L.V. The strategy of social development of the Armed Forces of Russia - the way to a qualitative change in military-civil relations // Law in the Armed Forces. 2008. No. 1. Pp. 2-11.
9. Mayboroda D.M. Russian-Ukrainian relations after the "Crimean Spring" // Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: History and political sciences. 2018. No. 5. Pp. 308-319.

10. Nartova-Bochaver S.F. Sovereign man: a psychological study of the subject in his being: monograph. 2nd ed., rev. M.: Flinta, 2016. 448 p.
11. Forecasted challenges and threats to the national security of the Russian Federation and directions for their neutralization / Ed. by A.S. Korzhevsky. M.: RGGU, 2021. 562 p.
12. Stankevich Z.A. The history of the collapse of the USSR: Political and legal aspects. M.: MGU, 2001. 318 p.
13. Management of units in peacetime: a textbook / Ed. by Yu.B. Torgovanov. Krasnoyarsk: Sib. feder. un-t, 2015. 348 p.

Костерин Артём Андреевич

адъюнкт кафедры социологии

Военный университет Министерства обороны Российской Федерации

123001, г. Москва, Б. Садовая ул., д.14.

kosterin.a1917@gmail.com

SPIN-код: 2147-0308

Kosterin Artyom Andreevich

Adjunct at the Department of Sociology

Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation

B. Sadovaya ul., d.14, Moscow, Russia, 123001

5.4.7. Социология управления.